

архим. Афанасий (Нечаев)

Старый Валаам

Старый Валаам

архим. Афанасий (Нечаев)

Отец архимандрит Афанасий (в миру Анатолий Иванович Нечаев) родился в 1886 г. в Пензенском уезде.

Окончил в Пензе духовное училище, а потом семинарию.

После революции — миссионер Армии Спасения; с июня 1923 г. живет в Финляндии.

В архиве Валаамского монастыря сохранилось прошение послушника Анатолия Нечаева игумену Павлину от 29.08.1926: «Я прошу Вас благословить меня поехать в Академию в качестве питомца монастыря с тем, чтобы после окончания курса я бы продолжал оставаться в послушании монастыря». Академией А. И. Нечаев называет Парижский православно-богословский институт.

В Париже митрополит Евлогий постриг его в «мантию», — одновременно с ним постриг принял инок Иоанн, будущий архиепископ Иоанн Сан-Францисский.

Воспоминания архимандрита Афанасия печатаются по публикации в журнале «Русский паломник» (№№ 1 и 2 за 1990, Чико, Калифорния).

Более сорока лет хранилась в гранках эта нехитрословесная повесть, как валаамский инок видит свой монастырь. Это как бы внутренний сказ о жизни и здравии тысячелетней обители, как бы застывшей в своем историческом расцвете и сохранившейся без основных перемен до нашего времени — XX века.

Ценность этой ранее не издававшей свет книги воспоминаний в том, что она фотографически точнореально показывает больше прозаичную сторону валаамского иночества, чем, скажем, духовную, и этим как бы подчеркивает практическую сторону иноков, живущих духовной жизнью. Теперь все до последнего валаамского инока ушли в вечность, почти не оставив наследников, сознательно продолжающих творить то иноческое дело, которым был бы научен подлинным носителем валаамского духа. В этом, конечно, и заключается наше духовное лихолетье, когда подделка вершит над гонимым подлинным. Читая строчки отца Афанасия, невольно благодаришь его за всякие мелочи, проливающие столь утешительной, ныне нам недоступной действительности, которая необходима для понимания всего святорусского величия, так безжалостно отнятого от нас.

О. архимандрит Афанасий (в миру Анатолий Нечаев) стал валаамским иноком уже после революции, что он описывает в начале своего сказа. Прибыл в Париж в 1926 году и поступил в Богословский институт, учился, трудился на ниве Христовой бесхитростно и скончался в конце войны, в 1944 году, и погребен на кладбище Св. Женевьевы, великой древней православной праведницы. Наш покойный проф. Концевич неоднократно рассказывал нам, как приходил о. Афанасий к ним пить чай и читал вслух свои валаамские воспоминания о старцах и как его слушали с упоением: переносились они тогда в скиты и пустыньки и внимали мудрости их не от мира сего, забывались страшные военные времена как в Европе, так и на родине, и сердце щемило и просило молиться Господу, чтобы тот полунебесный образ жизни старцев валаамских не исчез с лица земли. Супруга профессора, Елена Юрьевна, сообщившая нам о существовании сей рукописи, долгие годы и до самой смерти хранила в своем сердце образы дивных валаамских старцев и передала их силу духовную и значение молодому американскому поколению как величайшую драгоценность, подобную евангельской жемчужине, ценность которой дороже золота и серебра.

Эту рукопись, сохранившуюся лишь в виде корректурных листов, мы печатаем, как получили. Местами ее трудно читать, но нам хотелось поделиться полнотой ее потенциала. Кто знает, быть может кто-либо подхватит то меж строк лежащее, что может раздуть пожар духовного подъема и вихорь жажды подлинного иночества, способного поднять современную Россию на

подвиг покаяния?

Игумен Герман, Калифорния

Старый Валаам

Воспоминания архимандрита Афанасия (Нечаева)

В первый раз на Валааме

Господь привел меня принять монашество на Валааме, и потому Валаам для меня, как мать духовная, остается на всю жизнь путеводным маяком. И в дни его трагических испытаний сердце просит воздать ему дань благодарности, запечатлеть каждую мелочь его жизни, преклониться пред каждым его насельником, облобызать каждый камешек...

В 1923 году, 8-го мая, переехал я финскую границу из Советской России и был помещен в карантине в Келломяках. Там оказались четыре валаамских монаха, тоже приехавших из России, из Петроградского подворья. Мы с ними сразу сблизились: «Поедем к нам на Валаам, будешь монахом», — сразу предлагали они. Но тогда для меня мысль о валаамских глухих лесах казалась ужасной и непонятной. Как можно отречься от мира и бросить его на произвол судьбы, — думал я, — когда в нем так много горя и нужды, а главное, когда он так мало знает о Христе! Я был тогда светским миссионером. И за границу выехал для того, чтобы продолжать свою миссионерскую работу.

И вот прошли два с половиной года, в течение которых, изучивши шведский язык, я вел в Финляндии усиленную миссионерскую работу и убедился, что один в поле не воин и что только Церковь таит в себе силы, способные светить миру, а я ничтожен и сам нуждаюсь в ее помощи. И тогда вспомнил я валаамцев — друзей, пригласивших меня посетить их монастырь, и с радостью кинулся туда. Приехав в Сердоболь, сел на валаамский пароход «Сергий» Как приятно было узнать, что этот пароход — собственность монастыря, и увидеть лица монахов, обслуживающих пароход. И капитан, и кочегар, и матросы — все — в послушнических одеяниях. Пароход тронулся, и я стал присматриваться к пассажирам. Среди них сразу бросились в глаза два иерея. Я подошел, поздоровался, взял благословение и сказал, что еду на Валаам запастись духовными силами для работы среди мира. То были: экононом монастыря о. Харитон и о. Сергей Окулов, один из главных деятелей Финляндской церкви. Они отнеслись ко мне ласково, и я почувствовал себя среди своих. За границей это особенно дорого. На том же пароходе я услышал и шведскую речь. Оказалось, что ехала на Валаам экскурсия шведских учителей, путешествующих по всей Финляндии и, как все подобные туристы, считающих своим обязательным долгом побывать на Иматре и Валааме: одно — чудо природы, другое — чудо русского духа. Слышу — шведы смущаются, недоумевая, кто им покажет монастырь и будет переводчиком. На Валааме переводчиков нет, монахи заботятся лишь о духовной пользе богомольцев, а не об эстетических потребностях путешествующих. Я заговорил со шведами на их языке и предложил им свои услуги, чему они очень обрадовались.

Вскоре мы подъехали к Валааму. Издали он, как град Китеж, манит своей высокой величественной колокольной, возвышающейся одиноко и царящей над всем сонмом обрамленных лесами островов. Как будто в сказке: на острове, на океане, в некоем царстве-государстве сказочный дворец стоит, и в нем волшебный Черномор живет и содержит чудную жар-птицу, огненную колесницу, уносящую на небо каждого, кто отважится пристать к этому чудесному острову.

Пристали к пристани. Встречают нас монахи, ласково кланяются, как будто к родным приехал

долгожданный гость. И лошадь с телегой везет наш багаж в гостиницу. Там в гостиной «хозяин» встречает. Все монахи, стоящие во главе учреждения, называются «хозяевами».

Нас размещают по кельям в огромной гостинице. И мы со шведами спешим в монастырь. Но как я буду показывать им монастырь, в котором сам впервые? Спрашиваю встречного монаха, к кому мне обратиться за разъяснениями, и он направляет меня к наместнику о. Иоасафу. Тот очень любезно сам пошел со мною к монаху о. Мартиниану и просил его показать мне весь монастырь. Так мы со шведами (их было человек 15) обошли монастырь, и я им все переводил со слов о. Мартиниана. Всего более их, кажется, поразила могила шведского короля Магнуса, который попал на Валаам после крушения его эскадры во время похода на Россию и постригся здесь в монахи, как гласит надмогильная надпись.

Сам я в России видел Троице-Сергиевскую лавру и Киево-Печерскую, но для меня все же Валаам говорил нечто особенное даже по сравнению с сими прославленными монастырями, а именно: там веяло стариной, те два исполина ушли уже в историю. Этот же был весь живой, нынешний и... уединенный. А кроме того, поражает он своей цельностью, планомерностью своих различных частей при отсутствии всякой нагроможденности, и веет от него величием русского духа, широтою размаха. Как будто Валаам — завершение всего монастырского векового зодчества, духовный колосс на гранитных ногах. Как исполин-победитель, после исторической многовековой борьбы вознесся он высоко над своими врагами. Много раз разоряли и уничтожали его шведы. Но вот и сам король их Магнус лежит побежденный у ног этого русского исполина. И эта группа шведов как бы смиренно принимает этот примат духа православной Руси над их сухой протестантской страной. Окончив осмотр монастыря, идем с ними в столовую, и видно по их лицам, что обворожены они этим «градом Китежем», обвеяны новым духом, прикоснулись к неведомому им миру, преклонились, успокоились и обновились. При расставании они собрали между собою деньги, благодарят и дают их мне. Но я им объяснил, что в монастыре деньги не принимаются за посещения и, если кто хочет, тот может пожертвовать что-либо на обитель, и по их просьбе я передаю их лепту монаху — на монастырь.

Попрощавшись со шведами, я остаюсь один и радуюсь всем сердцем, что принадлежу к такому Богом избранному народу и что могу чувствовать себя здесь, в монастыре, как у себя дома, ибо знаю дух монастыря, его гостеприимство, его направленность навстречу духовным нуждам богомольцев. Какой контраст с тем, что я испытал до того в Финляндии, вращаясь в протестантском мире, где все основано на формальности и законническом духе. Русский дух — мягкий дух, а в Финляндии — как гранит. Впервые приехал я в монастырь, ни с кем еще не познакомился и почувствовал себя уже дома, а там за два с половиной года и при наличии многих знакомств все осталось однако чужое и чуждое. Нет, не только растения созданы Творцом по роду их, но и люди — по национальности. Священная вещь есть нация, и несчастен тот, кто духовно отрывается от нее, не прилепившись к иной.

На положении «трудника-кафтанника»

Жадно стремлюсь я поскорее окунуться в глубину монашеской жизни. Пробуждается со дна души давно залегшее в ней чувство преклонения пред монашеством вообще. Но где же и как оно здесь проявляется, и как к нему прикоснуться? Велю будить себя со всеми вместе, в два с половиной часа утра. Иду прямо в церковь и потом выстаиваю все службы — 8 часов молитвы ежедневно. Что-то есть в этом всепоглощающее. Точно жернов мелет свой дух в течение восьми часов каждый день. Одно из двух: или ты не выдержишь и сбежишь, или выдержишь — и тогда и ты приобщишься к исполинам духа. Да, основу монашеской жизни составляют богослужения и непременно продолжительные. Пусть не каждый день их посещают, но если ты пришел, то знай, что уйдешь только после того, как перемелешься в жернове молитвы,

перемелешься, сделаешься мягче и познаешь на всю жизнь силу монастырского богослужения. Есть в этой уставности службы что-то настоящее, вековое, непоколебимое, как в гипсовый корсет вставляют больную, расслабленную спину, так закаляется твой дух в уставной молитве.

После утрени — литургия и сразу обед, в 10 ч. утра. Молились вместе, значит, и кушать вместе, и меня приглашают в общую трапезную с монахами. «Что есть красно и что добро?» — вопрошает пророк Давид. «Еже жити, братие, вкупе», — отвечает он же. Да, приятна эта общая трапеза, как непреложная любовь. Трапезовал Авраам с тремя ангелами, трапезовал Христос с учениками на Тайной Вечери и обещал трапезовать вместе в Царствии Небесном на брачном пире Агнца. Вечеря любви и Евхаристия — высшая любовь — причастие Бога с человеками и человека с Богом. Посему и трапеза монастырская — вечеря любви, заклятие тельца упитанного для блудного сына. Сколько мною было пережито и впоследствии за этими братскими трапезами, мною, блудным сыном, удостоенным такой несказанной милости. «Сколько тысяч людей сидело здесь, на этом месте, — думал я, — достойнее меня. Их трудами, потом и кровью воздвигнуты эти палаты. По камешку собирала матушка-Русь, по копейке несла, последнее отдавала, и вот это приют для тебя — изгнанника, теплая любовь отцов и матерей, с миру по нитке — голому рубашка. В эту рубаху — брачную одежду — и облачают тебя твои отцы. Помни же, где ты сидишь, чей хлеб жуешь, и подумай, как бы умножить его, а не уменьшить».

И загорелось желание поработать в монастыре. Иду к игумену, прошу позволения остаться при монастыре. Тянет и в монашество, но еще не решаюсь; не жаль с миром расстаться, а жаль его бросить — спасать надо. Не могу еще отказаться и от своего миссионерства. «Ну что же, поживите, поработайте». И мне дается кафтан, и поступаю я в разряд трудников. Только одна привилегия мне — жить разрешено на гостинице бесплатно, другие трудники в конюшенном доме. Столование бесплатное, но за отдельным от монахов столом, с рабочими. Работа — дрова пилить, сдельно за небольшую плату. Больше десяти марок в день я не вырабатывал.

А тогда пронеслась над Валаамом большая буря и повалила целые десятины леса, так как растет он на очень неглубокой почве, почти прямо на «луде», на камнях. Потом продали весь этот лес за десять миллионов финских марок. И стал монастырь опять богатым, после того как все его сбережения пропали во время революции. Во время голода в восемнадцатом году валаамцев спас огромный урожай яблок в их садах. Меняли на хлеб. Но много монахов — более пятисот человек — должны были совсем оставить монастырь из-за голода. Так постепенно обезлюдел этот когда-то один из самых многонаселенных монастырей на Руси. В великую войну взяли несколько сот на фронт. До войны было около тысячи двухсот монахов и послушников. А в 1925 году, когда я впервые приехал на Валаам, оставалось 450 человек, и все старые годами.

Рубил я лес и пилил в течение полутора месяцев и совершенно выбился из сил. Дело непривычное, физическим трудом раньше много не занимался, а тут еще не хотелось и от службы отказаться. По-прежнему ходил ко всем богослужениям. И получалось восемь часов работы и восемь часов молитвы в день. Пришлось просить другую работу. Назначили на молотилку. Там было легче.

Познакомился с монастырским хозяйством: сто десятин пахотной земли и очень много лугов. Работали тогда главным образом наемные рабочие. Прежде было много бесплатных трудников. Среди православного карельского населения, живущего на берегах Ладожского озера в Финляндии в количестве шестидесяти тысяч человек, был старинный обычай, чтобы молодые люди, прежде чем жениться, поработали бы на Валааме в течение одного года. Девицы и замуж не хотели выходить за не прошедшего монастырского искуса. Осенью, по окончании

полевых работ, приезжали на баржах со всех сторон Ладоги эти молодые парни в сопровождении их матерей и отцов. С плачем расставались родители со своими детьми. А на другую осень увозили их счастливые и довольные. Как бы какой клад или приданое увозили с собой родители в лице своих сыновей, вышколенных и просвещенных светом Христовым. Трудники должны были присутствовать на всех воскресных и праздничных службах. Нелегко было выстаивать длинные службы, но и результат получался блестящий. Закал духа на всю жизнь. Так Валаам незаметно являлся великой школой, светильником в темном месте для окружающего православного населения, живущего среди остального протестантского финского народа.

В 1925 году на Валааме было около ста человек наемных рабочих, так как нужно было разрабатывать лес. Старые монахи работали только в мастерских да на сенокосах и на картофельных плантациях. Лошадей своих было уже немного, а раньше доходило до сотни. Коров оставалось еще голов пятьдесят. Было заведено образцовое молочное хозяйство под руководством специалиста-агронома. Молоко выдавалось монахам по скоромным дням по небольшой кружке в день. Огороды обрабатывались двадцатью пятью богомолками, оставшимися на Валааме со времени революции и жившими в гостинице. Они же стирали и белье монахам, за что получали бесплатно стол и жилище. Из них образовался как бы особый женский монастырь. Они усердно посещали богослужения и вели строгий образ жизни. За общим столом полагалось и у них чтение житий святых. Так нашли себе приют все эти уже пожилые богомолки как награду за свою любовь к монастырям, за свой подвиг странничества, излюбленный подвиг всех русских благочестивых людей.

Духовная жизнь монастыря

Что испытывает человек, бросающийся с берега в море для купания в жаркий летний день? Так и монастырь — духовное море, целый океан жизни духовной, и ты сразу охвачен его волнами, омыт, обрадован и обновлен. Как будто стопудовая ноша свалилась с тебя, ты стал новым человеком, началась для тебя новая жизнь. Но я еще стоял тогда на берегу, еще не решался броситься в море, — это произошло несколькими месяцами позднее. А теперь я только смотрел, и любовался, и вдыхал в себя аромат благоухания Христова, и уже как бы обливался, окатывался волнами сего моря, ударяющими о берег и охватывающими любопытных. И я, как всякий богомолец, с любопытством устремился к этой новой жизни. И впечатление было духовно потрясающее.

Град Китеж, как говорит предание, потонул и находится на дне озера. Так и Валаам. Нужно уметь заглянуть в глубину его духовной жизни, чтобы рассмотреть отдельных исполинов духа в его недрах. Первым таким исполином был духовник всего монастыря о. Михаил. К нему меня направили для духовного окормления. Келья его состояла из трех отделений: приемная, молельня и спальня. Из нее дверь вела прямо в храм над святыми вратами в честь св. апостолов Петра и Павла. С трепетом вошел я в первый раз в эти покои духа, ощущая особую келейную атмосферу тепла и уюта и какого-то духовного благоухания. Приемная увешана образами, обставлена портретами старцев. Первая встреча с о. Михаилом произвела на меня неизгладимое впечатление. С тех пор навсегда врезался в мою душу его образ. Это был совсем обыкновенный человек, но именно потому-то, очевидно, это был действительно настоящий человек. Мы говорим: «Людей много, а человека нет». И вот я увидел пред собою настоящего человека. Словами этого не выразишь. Но всякий это и без того понимает, потому что образ настоящего человека живет в каждом из нас. И когда встретишь такого человека, то почувствуешь, что ты как бы сливаешься с ним в одно, как будто твои искаженные черты накладываются на его нормальные и исправляются, а ты сам становишься нормальным человеком. Сказывается это прежде всего в том, как подходит к тебе этот настоящий человек.

Он принимает тебя всем сердцем. Этого одного достаточно, чтобы и ты раскрыл ему все свое сердце. И тогда он хозяин над тобою, а ты освободился от самого себя, от этой тяжелой ноши, которая давит и мучит тебя, а ты не осознаешь, в чем дело. А тут тебе сразу стало легко, хотя и не понимаешь — отчего. Конечно, от него, от настоящего человека! Но надо понять, в чем произошла из-за него эта перемена в себе самом. Понять, чтобы научиться самому стать настоящим человеком. И долго, долго не дается эта наука, пока ты не овладеешь самим собою и не освободишься от самого себя. А совершится это в тебе только тогда, когда встретишь ты и сживешься с таким «Настоящим Человеком», который доступен всем и каждому и всегда — с самим Иисусом Христом — Он освободит тебя, ибо это Он встретился с тобою во образе этого монастырского старца.

У каждого настоящего человека своя индивидуальность. И у этого старца очень оригинальная индивидуальность. Это — вполне русский мужичок, с простою образною речью, полный, с небольшой бородкой, простым русским лицом. Но вот одеяние схимы, четки и особенно манера держаться с вами обличает в нем врача духовного. Как врач, он подвигается к тебе, всматривается внимательно, ласково и бережно; да, особенно бережно обращается с тобой. Он не предписывает духовных лекарств, не повелевает, а только как бы намеками побуждает вас делать то именно заключение или решение, которое ему кажется для вас правильным. И вы покидаете его с таким чувством, как будто вам вправили вывихнутую руку, такое чувство облегчения мира душевного находит на вас. К нему я ходил часто, вначале каждый день, и все докучал ему своей нетерпеливостью. Он не хотел, чтобы я разговаривал с игуменом о планах своей дальнейшей жизни в монастыре, прежде чем получу рекомендацию от финляндского архиерея Германа, который близко к сердцу принял меня как миссионера, желающего работать под руководством Церкви. Духовник о. Михаил и о. эконо́м Харитон, тоже сразу принявшие во мне участие, хотели создать мне особое положение в монастыре, чтобы я мог лучше духовно окормляться. Потом письмо это от архиепископа Германа было получено, и мое положение давало мне приют в монастыре без необходимости целодневной физической работы. Тогда я бросился, как голодный, читать книги. Библиотека при монастыре огромная — десять тысяч томов, но мне духовник советовал читать только жития святых. И было это крайне полезно для меня. До того я почти совсем не знал житий святых. И вот теперь они произвели на меня громадное впечатление. Я увидел на их примерах, чего достигло христианство на земле. Христос дал свой завет — Евангелие, основу христианской жизни. Апостольские писания истолковали Евангелие в применении к жизни духовной, а жития святых показывают нам, как исполнено Евангелие в течение веков Церковью Христовой. Дух захватывает от созерцания гигантского подвига отдельных личностей, но, конечно, не они сами, а сила Христова, обитавшая в них, совершила это восхождение от земной жизни к небесной, низвела небо на землю.

И вот, чем дольше живу я в сей обители, тем больше убеждаюсь, что эти жития святых творятся именно здесь, как будто не люди, а лики проходят предо мною, лишь с той, быть может, разницей, что здесь весь монастырь — как бы коллективный, единый святой лик, — ореол святости лежит на всем заметным отпечатком. А проявляется он в отдельных штрихах отдельных личностей, как мозаичная картина. Стоит только заговорить с любым встречным монахом, чтобы почувствовать необыкновенность мыслей, оригинальность выражений, новый для тебя подход ко всему. Откуда все это у этих, грубоватых на вид, простых крестьян?

Позже я узнал, как идет обработка их ума; на камне Священного Писания и на оселке творений св. отцов проясняется их ум, умудряется их речь, обогащается душа. Образуются гранитные камни — иноки сего монастыря. «Я есмь камень — кто упадет на Меня — разобьется или восстанет». Разбивается на мелкие камешки каменное сердце человека, а потом соединяется вновь духом Христа. «И уже не я живу, но живет во мне Христос». Пред

вами все — христоносцы. Во всех — Христос. Но каждый являет собою лишь один член Его Тела. Кто рука, кто нога, а кто просто атом. Кто игумен, кто хозяин, кто старец, руководитель, а кто просто овца стада Христова. И стройно идет жизнь этого духовного организма — тела Христова.

Моя Голгофа

Недолго продолжалось мое блаженство в обители святой. Светские власти не дали мне права жительства в Выборгской губернии, как прифронтовой, на основании общих правил, запрещающих иностранцам селиться в этой местности. Пришлось спешно покинуть монастырь. В Гефсиманском скиту стоит часовня, где одна лишь огромная икона — моление о чаше. Там со слезами, горячо я молился Господу, чтобы Он вернул меня снова на Валаам. И был услышан. В глубокую осень вместо парохода, сократившего рейсы, уехал я на моторной лодке. Был сильный ветер и волна громадная. Лодку бросало и заливало. Хорошо, что крытая, но пережил я то, что гласит поговорка: «Кто на море не бывал, тот Богу не молился».

Куда же мне идти? Опять в мир. Зачем? Проповедовать — ведь ты запасся теперь на Валааме новыми силами. Еду в Або, где есть друзья. Беру работу на американской паровой гладильной машине, а в свободное время пытаюсь по-прежнему проповедовать. Но чувствую, что ничего не выходит. Почему? Тогда недоумевал. Но потом понял: вкусивши сладкого, не захочешь горького. В душу вошло так много нового, приобщился к иному миру, богатству неисчерпаемому — и вот, оторвавшись от этого источника, пытаешься ты сам из себя что-то источать. Напрасная попытка. Это я чувствую всем своим существом. И начинается моя Голгофа. Крушение духовное — полное. Шестилетняя миссионерская работа кончается крахом. Не других учить, а самому сначала надо выучиться. Все, чем ты, казалось тебе, владел, оказалось детской игрушкой по сравнению с вековым опытом всей Церкви. Скорее, скорее беги опять туда, в эти глухие леса, к этим малограмотным русским крестьянам. Беги и учись у них уму-разуму. И я побежал...

Но как же получить право жительства на Валааме? Теперь это получает иной оборот, раз я решил стать монахом. Да, теперь уже для меня ясно, что Сам Господь, закрывая для меня путь миссионерства, открывает дверь к монашеству. И яснее всего это из того, как потянуло меня в монашество. И прежде тянуло, но перетягивала горделивая мысль: нужно спасти мир. Теперь же сильнее звучит в душе: «Спасай самого себя — предоставь мир Мне». Пишу опять письмо архиепископу Герману. Прошу принять меня в монахи и содействовать получению права жительства. Долго идет волокита по канцеляриям Гельсингфорса. Но вот приезжает по делам из Сердоболя председатель епархиального управления о. Сергей Солнцев, тоже принимавший во мне участие, и сам идет к губернатору просить за меня. И разрешение дано. Какая радость! Я спасен.

Вступление в монашество

«Как лань спешит на источники вод», так я летел на Валаам. Дух захватывало от счастья. Лишь бы скорее, скорее туда, в этот волшебный мир — и хоть сторожем всю жизнь там, у дверей, у порога готов простоять... Приезжаю в Сердоболь, на Валаамское подворье. Узнаю, что там сам о. игумен Павлин и о. эконоом Харитон. Встречают они меня ласково, радуются моему решению вступить в число их братии. На другой день подаются две лошади с санными, мы закутываемся в шубы и тулупы (дело было в феврале) и едем по льду пятьдесят верст до Валаама. Отъехав 15 верст — мы остановились. Кончился залив, начинается озеро. Тут стоит домик русских рыбаков — друзей валаамцев, которые всегда заезжают к ним обогреться и попить чайку. А нас угостили целым рыбным обедом. На столе появился потом большой русский самовар. Какое

блаженство разливалось во мне! Какое счастье быть в обществе самого о. игумена и о. Харитона и чувствовать, что теперь уже ты навсегда устроен духовно! Какая прекрасная перед тобою перспектива: духовная жизнь со всеми ее богатствами лежит перед тобою. И ничто не мешает тебе отдаться ей всецело. Ничто, — а мать твоя? Вспомни старушку, которую ты теперь бросаешь там, в далекой Москве, и вспомни, как много раз ты ей обещал не оставить никогда одну, успокоить ее старость. И сердце больно защемило...

Приехали мы в монастырь как раз ко всенощной. Только успели перекусить, как загремел «Первозванный». Бегу в собор — скорее, скорее в объятия Отца. Темный собор скрывает в своих «стасидиях» множество монахов в черных мантиях, сидящих каждый на своем месте до службы. Открываются царские врата. Архидиакон возглашает: «Восстаните». И вы слышите шуршание мантий встающего сонма иноков. «Господи благослови», — гудит опять густой бас архидиакона. И из алтаря доносится высокий, чистый, «постный» голос очередного служащего иеромонаха. «Слава святой единосущной животворящей и нераздельной Троице». И по древнему уставу начинает один головщик — бас «запевало» основную мелодию: «Благослови душа моя Господа». Длинный и заунывный этот мотив. Но исполняется он так бодро и легко, что заунывность не порождает уныния, а помогает лишь покаянному чувству умиления. Этот особый валаамский напев, переработанный веками из знаменного, носит на себе особенный отпечаток духа северного русского монашества, очень отличный от южного киевского. Среднее между ними составляют московские напевы. Киевский — отражает более темпераментную природу малоросса и потому очень витиеват и экспансивен. А валаамский, наоборот, берет не руладами, а строгостью, пластичностью линий. В нем слышится искание, напряженность и молитвенность. Киевский более игривый и веселый. Нельзя сказать, который лучше, — духовная музыка столь же разнообразна, как и душа человека. «Один спасается веселием, другой суровостью».

Я был настолько счастлив, попав на Валаам, что когда рубил и носил дрова с о. Исаакием, хозяином канцелярии, то все время пел и тараторил и услышал тогда вот это определение от него: «Ты, брат Анатолий, наверное, спасешься своей веселостью». А петь я очень любил и пел еще с детства, с шести лет. Сначала дома, в церкви, в селе, где отец был священником. Потом в духовном училище и в семинарии. И случилось, что в день моего приезда бросил Валаам один послушник, проживший на нем десять лет и певший первого тенора. Мне и пришлось заменить его. Обрадовались иноки: «Одного Господь убрал, другого прислал, свято место пусто не бывает». Не слышал я прежде мотивов валаамских, а здесь все нутро мое семинарское запело и выпело скоро всю сложную музыку этого мотива. Дали мне ноты, а то и по пальцам соседа угадывал, куда голос девать — вверх или вниз. Так сразу определилось мое послушание: «клиросное».

Духовник иеросхимонах Ефрем

Грустно мне было думать, что духовник о. Михаил по суду лишен права священнодействия и сослан в отдаленный скит Тихвинский. Мне рекомендовали взять духовником старца о. Ефрема, живущего отшельником одиноким в Смоленском скиту на полуострове в двух верстах от монастыря. Приехал я к нему на лодочке один. Вижу, избушка маленькая стоит, а поодаль церковка небольшая в новгородско-суздальском стиле со звонницей и многими колоколами. И больше ничего. Кругом вода и лес. Встречает меня о. Ефрем с обычной своей ласковой улыбкой. Потом я узнал от него, что ласковость была одним из заветов старцев, принятых от Паисия Величковского. А ласковость на Валааме соединяется обычно с самоварчиком. Вот и полилась наша беседа со старцем. И век я ее не забуду. Такой радостью горело сердце, словно вся ласковость старца перелилась в меня и согрела душу, «Не горело ли в нас сердце наше?» — вспомнились эмаусские ученики. Не Христос ли тут беседовал с нами?.. Не Его ли Дух

загорелся в сердце молодого послушника?..

И поведал мне здесь интересную и поучительную историю своей жизни старец о. Ефрем. Двенадцати лет убежал он из дома отца в Петербурге сюда на Валаам. Начитался книг о монахах и, познакомившись с валаамцами в их часовне в Петербурге, решил уйти в монахи. Сказал отцу. Тот запретил, а при повторной просьбе и побил. Тогда собрал отрок Георгий денег один рубль — стоимость проезда до Валаама — и уехал тайком. Пришел к игумену, просит оставить его в обители. Возлюбил отрок горный мир. Но строг устав монастыря — нельзя принимать малолетних. Залился слезами мальчуган: «Нет, не уйдет он ни за что, а если силою, то он — в воду». Только такая решимость духа создает подвижников. Ходит по монастырю и слышит разговор: «Плотников у нас не хватает на постройку собора». И вспомнил тут наш бедный отверженник, что и он умеет стругать и рубить. Помчался к игумену. Бух ему в ноги: «Батюшка, отец игумен, я вспомнил, ведь я прекрасный плотник». Все рассмеялись, но решили все же оставить мальчика на испытание. И послали полы мести в плотницкой. Радости его не было конца, хотя и не блестящее занятие получил. Отец искал его полтора года, нашел, сын успел зарекомендовать себя, и сами монахи упросили отца оставить отрока Георгия в обители. И отец его согласился. Но вот что странно. С самого начала пришла Георгию мысль молиться Богу, чтобы и отец его сделался монахом. Уходил он в леса, где стояли часовни, и, скрываясь от людей, вопиял громким голосом, чтобы слышно было на небе: «Матерь Божия, приведи моего отца в обитель сию». И услышан был голос отрока на небесах. Прошло, однако, тридцать лет. Георгий был давно уже иеромонахом. Вдруг приезжает его отец, рассказывает сыну историю своей жизни и просит принять его в монахи. Георгий был его первенец, и жена умерла от родов его. И дал обет отец пойти в монахи, но не исполнил. Женился вторично, имел многих детей. И вот уже шестьдесят лет ему было, и вторая жена умерла, а он тяжело заболел. И видит видение: предстали пред ним два мужа в монашеских одеяниях и сказали ему: «Что же ты обета не исполнил?» И взмолился старик — даровать ему жизнь, чтобы исполнить обет. Выздоровел и вот приехал. Весь монастырь взволновался. Великая радость всех охватила. И постригли его с именем Иоанна. Прожил он еще двенадцать лет и похоронен на монастырском кладбище.

И отец Ефрем — такое имя получил Георгий в схиме — весь сиял, рассказывая это дивное сказание о милости Божией к нему и родителю его. Смотрю я на его светлую келью и замечаю в углу гроб. Почему это? «А это моя постель ежедневная». Жутко. И как соединяется такое сияние духа с мыслью о смерти? Тайна, доступная лишь самоличному опыту.

А дальше о. Ефрем рассказал мне историю своего Смоленского скита, тоже весьма примечательную и особенно отрадную для русского воинства. В 1927 году я рассказал о ней литератору г. Никанорову, который и поместил ее в «Возрождении» как имеющую общерусский интерес. Этот скит сооружен со специальной целью поминовения душ русских воинов, убиенных в Великую Войну. Главнокомандующий русской армией, вел. кн. Николай Николаевич, видя множество убиенных на полях сражений, решил устроить на Валааме скит, где жили бы 12 старцев-схимников, читали бы денно-нощно псалтирь и совершали служение за помин душ всех воинов, павших славной смертью за веру, царя и отечество. Эту мысль вел. князя разделили с ним и другие великие князья и собрали между собою средства для этой цели. А духовником великого князя Николая Николаевича был в то время как раз иеромонах Георгий, ныне иеросхимонах Ефрем. Ему и было поручено это дело. А сделался отец Георгий духовником великого князя и других князей через то, что отец его служил в конюшенном ведомстве в Питере и потому ему был доступ во дворец через отца. Так узнали его там, и стал он со временем духовником многих лиц царской фамилии.

Получивши деньги на сооружение скита, о. Георгий приехал в 1915 году на Валаам и занялся постройкою, но к 1917 году успел закончить только храм, сооруженный по проектам великого

князя Петра Николаевича, и одну келью для себя поодаль. Грянула революция, и строительство пришлось прекратить. Но не оставил и тогда о. Георгий этой благой мысли великого князя. Он решил один осуществить ее. И поселился он там один, и стал он совершать ежедневно богослужения по полному монастырскому уставу за упокой душ убиенных воинов. Много миллионов этих душ. И все они чувствуют эту одинокую молитву не известного никому валаамского отшельника. И отрадно им становится, что не забыт их подвиг, что сам их главнокомандующий соорудил по ним памятник нерукотворный, молитвенный монумент от земли до самого неба. Да будет слава всем нашим воинам, и да будет честь и великая благодарность их верному главнокомандующему, не покинувшему их и по смерти!

Валаам и внешний мир

До революции не позволялось никому жить на Валааме, но потом картина изменилась, и мир понемногу начал вторгаться и окружать теснее Валаам. Там издавна уже стояла финская батарея. Жили военные, жила и полиция; и агрономы, насаждавшие новые леса вместо поваленных бурей. Но главные посетители Валаама — это туристы со всего мира, сменившие прежних богомольцев. Последние попадают сюда лишь единицами. Иногда только экскурсии из разных православных стран летом посещают Валаам для богомолья, а не только туризма.

В 1926 г. в Сердоболе должен был состояться летом съезд певческих обществ балтийских и скандинавских стран. И все хотели побывать на Валааме. Ожидалось до пятнадцати тысяч человек. В валаамской гостинице есть буфет без горячего и без спиртных напитков. Но для питания такой массы посетителей в течение трех дней нужно было организовать большие буфеты. Начальство недоумевало, как это сделать. Финны предлагали взять все это на себя, но это не устраивало монастырь. Нельзя было допускать чужих людей хозяйничать в обители. Тогда я предложил о. игумену следующий проект. У меня есть в разных городах Финляндии много знакомых по моей миссионерской работе. Из них можно пригласить человек десять, оплатить их проезд и дать приют недели на две вместо вознаграждения. А в помощь им нанять прислугу из прибрежных деревень. План мой был принят. Я написал своим знакомым, и сорок человек прислуги были наняты. Приехавшие заранее быстро устроили несколько буфетов на открытом воздухе, и работа закипела. Один за другим пароходы выбрасывали туристов на берег. Даже ночью не прекращались посещения. В результате мои друзья очень устали, и даже ноги опухли у некоторых наиболее ретивых. Но зато с честью справились с заданием, а главное — могли говорить с посетителями на их языках. Игумен остался доволен и раздал участникам на память по книге о Валааме с иллюстрациями.

Одним из крупных дел на Валааме для внешнего мира были ежегодные съезды духовенства. В 1926 г., через несколько месяцев после моего там пребывания, я приглашен был участвовать в первом съезде финляндского православного духовенства. Тогда было около 35 приходов среди 60000 карел и несколько русских приходов, насчитывающих до 20000 человек. Мне было предложено епархиальным управлением прочитать доклад О желательной постановке просветительного дела в приходах. Я сделал устный доклад и предложил организовать катехизаторские школы, издавать миссионерский листок и учредить должность разъездных миссионеров с целью просвещения карел и борьбы с сектантством. Проект мой был принят. Отец игумен, бывший на съезде, страшно поразился, что его новый послушник имел такой успех: «Вот какой словесный, ну и речистый».

Деньги, оказавшиеся у монастыря после продажи леса, поваленного бурей, около 10 миллионов финских марок, на нужды монастыря шли мало. Но из них значительные суммы расходовались на нужды всей епархии. Так на постройку дома в Сердоболе для епархиального управления взяты недостающие полтора миллиона финских марок из кассы монастыря.

Тратились большие деньги на школу-приют в монастыре. Содержалась еще особая школа для карельских мальчиков — в «Киновии», в самом монастыре. Учил их монах-карел. Я ходил туда учиться у него финскому языку. Однажды был я очень удивлен, увидев в трапезной этого монаха-карела, бьющего земные поклоны во время обеда. Потом узнал, за какое «преступление» он наказан. Оказалось, что он без благословения о. игумена выписал себе какой-то журнал и записался на какие-то заочные курсы. Так строго было еще на Валааме, несмотря на то что после войны и революции прежней строгости уже не было и в помине.

Как относился сам Валаам к внешнему миру? Было два направления. Одно старалось держаться как можно дальше от него, следовать прежней традиции, когда монастырь обслуживал «мир» только в лице богомольцев. Другие считали, что в наше время монастырь должен стать на почву просветительной и благотворительной деятельности. Этого желало епархиальное управление и архиепископ Герман; и монастырю пришлось отчасти вольно, отчасти невольно давать средства на епархиальные нужды. Иногда это выражалось в ремонте храмов по приходам, в издании на средства монастыря епархиального печатного органа «Утренняя заря», в пособии вдовицам, в содержании школ, в приемах всего духовенства, и проч. Сторонником этого направления был нынешний игумен о. Харитон. Он мечтал, еще будучи экономом, завести свое издательство, о чем не раз мы беседовали с ним. И когда он стал игуменом, то отчасти и приступил к сему. Были изданы две книги об Иисусовой молитве и иллюстрированный стихотворный альбом видов Валаама. Предполагалось переработанное издание истории Валаама. Книжки об Иисусовой молитве получились замечательные, потому что в них вошло все лучшее из святых отцов и творений подвижников о внутреннем духовном делании. Составлялись эти книжки о. игуменом Харитоном в течение многих лет, и он мне не раз читал выдержки из этих сборников и спрашивал — не следует ли издать. Это оказалось возможным после того, как на Валаам приехал о. протоиерей Сергей Четвериков, и они вдвоем проредактировали обе книжки. Справедливо названо это издание «Русским Добротолюбием». Еще издана о. Харитоном книжка о валаамской смуте из-за стиля.

Справедливость требует отметить, что в довоенное время Валаам принимал участие в миссионерской работе среди карел, производившейся прежним Финляндским архиепископом, ныне патриаршим местоблюстителем, блаженнейшим митрополитом Сергием. Работали главным образом два иеромонаха, Исаакий и Варсонофий, знавшие финский язык. Ответственным ближайшим исполнителем указаний архиепископа Сергия был его викарий, епископ Киприан. Для карел был составлен алфавит из русских букв, построено много прекрасных школ и переведены богослужебные книжки и нотные песнопения на финский язык, что является уже заслугой братства преподобных Сергия и Германа Валаамских.

В 1926 году впервые и на Валааме начались в одном из храмов богослужения на финском языке, которые совершались о. иеромонахом Исаакием, а пели по-фински несколько человек, в числе которых пришлось быть и мне.

Отшельники

Среди сорока островов, принадлежащих Валааму, есть где укрыться и отшельнику. Кто не знает — и не доберется до него. И много, много их было за всю длинную историю Валаама. И мне пришлось с некоторыми беседовать, и впечатление уносил я каждый раз не сравнимое ни с чем.

Есть разного рода отшельничество на Валааме. Одни жили в одиночестве, другие среди собратий, но проводили отшельническую жизнь. Против моей кельи жил один иеромонах — старец, который никуда не выходил, как только за пищей, и ни с кем не разговаривал. Я его

видел всегда улыбающимся, но без слов, даже без слов приветствия. И это особенно подчеркивало силу его улыбки — страшно приветливой. Так и ждешь, что по обычаю мира сего человек разразится потоком слов. Но — ни одного. И это производит потрясающее впечатление. Все равно что ты заглянул на одно только мгновение в какой-то волшебный мир — и он скрылся тотчас от тебя и вызвал страшный интерес к себе. «Ну, что ж, разве и тебе это недоступно? Иди сам этой дорогой и познаешь сей сладостный мир», — как бы так говорит без слов эта улыбка старца. Так много можно сделать на свете одной только улыбкой невинного дитяти... Может быть — это особый вид «отшельничества» наших дней — «безмолвная улыбка», которая так необходима нашему миру, гибнущему от множества слов и множества смеха.

А вот в Коневском скиту обитал отшельником другой улыбающийся старец — о. Николай. Там я часто бывал, потому что один из трех домиков этого скита был в распоряжении о. иеромонаха Исааки я, с которым мы наиболее дружили. Это тот самый, который был миссионером в Карелии, а теперь заведовал канцелярией. О. Исаакий частенько приглашал меня в этот чудесный уголок Валаама — Коневский скит. Было там два озера, обрамленных березовым леском, заглядывавшим со всех сторон в глубину кристальных вод. Маленькая деревянная церковь в честь иконы Коневской Божией Матери. Тут некогда жил отшельником шесть лет знаменитый потом игумен Дамаскин, управлявший монастырем сорок лет. И до сих пор стоит как заповедник его избушка, на передней стене которой снаружи прибит огромный деревянный крест с надписью сверху «высота», внизу «глубина», справа на перекладине «широта», слева «долгота», взятой из текста св. ап. Павла: «Дабы уразуметь — что есть глубина, и высота, и ширина, и долгота». Только разве отшельнику удастся достигнуть всего этого во Христе Иисусе.

Итак, мы в гостях у смиреннейшего, тишайшего и улыбающегося старца, о. Николая. Светелка его перегороджена пополам. В спальне видна дощатая кровать, как все на Валааме, покрытая вместо матраса тонким войлоком. В переднем углу стол и скамьи. Больше ничего. Но зато неизменный друг монаха и спутник его жизни — тульский самоварчик.

Как только впервые увидел нас с о. Исаакием о. Николай, замахал ручкой, заманил к себе и сейчас же без всяких разговоров принялся ставить самовар. Весь так и преобразился старец во внимание к нам, так и загорелся весь какой-то вдохновенной услужливостью. И главное — без слов. Только улыбается и служит. Но так охотно, так от всего сердца, как будто пришел к нему самый драгоценный гость, — разве только Авраам встречал так трех странников. Сначала я подумал, что такая его предупредительность относится к о. Исаакию как начальствующему в монастыре, но потом сообразил, что о. Исаакий живет с ним всегда рядом, а значит, это гостеприимство относилось именно ко мне, самому малому послушнику. И поразился я несказанно. Никто еще в жизни не встречал меня так, ни отец, ни даже мать. И сразу почувствовал я, как ко многому обязывает меня такое отношение, как внутренне это меня преобразует, я и сам на себя начинаю глядеть с почтительностью, почти с благоговением. Так благоговение старца ко мне передалось тотчас мне. Так одним только своим обращением, как с ангелом, старец сделал меня уже другим человеком. И сидел я за чайным столом как замороженный, как будто ангел меня пригласил к себе в гости, а не мужичок простой. А о. Исаакий, видимо, не впервые наблюдает такие преобразования в тихой келье о. Николая и добродушно, сочувственно посматривает на меня. «Что, брат, попался, а ну, покажи-ка здесь свое красноречие». А у меня и язык прилип к гортани. А старец все ласковее угощает, а на столе только хлеб черный да сахару несколько кусочков. Но при таком угощении этот хлеб кажется манной небесной; так бережно берешь кусочек хлебца, так осторожно кладешь в рот и так вкусно, вкусно вкушаешь — именно вкушаешь... Так, видно, вкушала Дева Мария хлеб ангельский, приносимый Ей во храм архангелом Гавриилом. А старец улыбается и молчит, и его молчание передается тебе, и ты начинаешь понимать прелесть молчания: ах, как оно много

говорит, когда молчишь вдвоем с настоящим молчалником... Невольно ум погружается в самую глубину души твоей и, ударяя там по самым чувствительным струнам, вызывает слезы умиления. У старца эти частые слезы так просветлили глаза его, что один взгляд на них уже открывает тебе всю его душу, его душу, которая уединилась в полное одиночество уже более тридцати лет тому назад. Как через лупу вещи зрятся в увеличенном размере, так и очищенная душа — каждый штрих ее — кажется значительным и важным, вызывая к себе уважение и благоговение. Так короткое общение со старцем научает тебя переоценить все вещи и самого себя — понять, что создан ты по образу и подобию Божию и потому через самого себя зришь ты Бога. Так древний идеал древнего мудреца Сократа «познай самого себя» вы можете достигнуть на Валааме в несколько минут, через общение со старцем, который, конечно, и сам этого не понимает. Сам он уже принадлежит к иному миру — горнему. Он стоит на такой высокой горе, что оттуда мы кажемся ему микроорганизмами, а «микроскоп» он уже давно бросил, занимаясь только «телескопом», в котором зрится ему мир святых, мир ангельский и Сама Святая Троица.

Схимники

Увидел я их впервые, как шли они от вечерни. Показались все маленькими старичками. Медленно брели они кто как: кто еще с печатью молитвы на лице, кто уже озираясь по сторонам, давая отдохновение уму после молитвы. Все в малых схимах: большой крест спереди с надписями, с орудиями крестной казни, с черепом — все не от мира сего. Заметил один меня. Подошел, ласково так смотрит, улыбается, спрашивает: отколе пожаловал, долго ли проживу. А я смотрю и чувствую, как все это велико и хорошо и какое громадное расстояние отделяет меня от этого схимнического мира.

Их тогда было тридцать с небольшим. Жили в особом отделении монастыря. Там же для них была особая церковь — все для них особенное, отдельное.

Схимники освобождены от обычных послушаний-работ. Их дело — молитва, а она считается у монахов самым высшим и трудным подвигом. Только грибочки собирать — дается им послушание на всю братию.

Вот пришлось мне познакомиться с одним схимником, судьба которого была необыкновенной. Встреча эта была мне очень поучительна для смирения. Встречаюсь во дворе со схимником. Высокий худой старичок, очень добрый и веселый. Подходит ко мне, обнимает и так просто-просто обращается: «А, это ты, Анатолий, в послушники приехал, а я — Олег, знаешь, читаю-то я каждый день, приходи ко мне чайку попить». Я обрадовался и обещал вечером быть. Да, этот схимник Олег, который так быстро, речисто и бойко читает в церкви каждый день. Особый у него дар прекрасного чтения. Прихожу к нему. Он так весело, шустро суетится с самоваром, накрывает на стол, ставит сахар, варенье, белый хлеб. Это меня смутило. Я начитался раньше о схимниках, что они сидят на хлебе да на воде, и вдруг... Сажу я сам не свой, в великом искушении. Пью чай с вареньем, слушаю почти непрерывный говор схимника, и у меня происходит борьба — сказать или не сказать ему об этом. Наконец, приходит какой-то монах и приносит корзину ягод: «Это твоя доля, о. Олег». Тут бес меня так смутил, что я хотел ногой ударить в эту корзину. Не выдерживаю и обличаю старца в нарушении постнического обета. Но он не смутился, а лишь извинялся и приговаривал: «Эх, милый, да какой же я схимник! Да я и монах-то никакой. А живу, как Бог милует и как братья терпят». Непонятны эти его слова, и в смущении так и ушел я от него. Но потом стало грызть меня раскаяние. Зачем обидел ты старца? Не твое дело судить. Кто ты здесь в монастыре? Всего несколько дней живешь, спасся сюда после личного крушения, а уже наводишь порядки. И стыдно мне стало. Думаю, как бы поправить дело. Вдруг вижу, подходит ко мне опять о. Олег, как ни в чем не бывало, веселый:

«Что же обещался приходить, а не идешь?» Я так обрадовался, что он не сердится, и обещался вечером непременно прийти. Прихожу. Он опять суетится с самоварчиком, опять ставит варенье, белый хлеб, а мне дает ломоть черного и говорит: «А ты ведь смущаешься, так я тебе черненького приготовил». Так меня всего и передернуло. Смотрю я на него и думаю: «Что он, издевается надо мною?» — так мне хотелось беленького хлебца с вареньицем. А он это сделал совершенно просто, по-детски, без всякой укоризны мне, а лишь по сознанию своей немощи — не может он никак обойтись без вареньица. «А раз ты сильнее меня, то зачем же вводить тебя в грех, кушай черненький кусочек». Так по своей святой простоте проучил меня старец на всю жизнь — не подсматривать за чужими грехами. Смирил он меня. И тут-то выслушал я с благоговением его рассказ, как он по пьяному делу в монахи-то попал. Это уже совсем странным показалось, и, не проучи он меня раньше, я бы совсем возмутился против него. А тут дыхание затаил. Слушаю с трепетом, как же это могло случиться? А он так просто все это поведал, как будто речь шла совсем и не о нем.

«Был я плотником в Петербурге и, конечно, горький пьяница. А тут слышу, на Валааме плотники нужны, своих-то монахов не хватает для постройки собора. Приезжаю, нанялся и давай работать. Но только то плохо, что вина-то негде достать на Валааме, запрещено это строго. Все пароходы с паломниками обыскивают и у кого найдут спиртное — в воду. Как тут быть? Уходить жалко, народ больно хороший, полюбили и меня, не пускают. Ну, и я не простак, ухитрялся-таки водочки доставать. На что, на что, а на это дьявол всегда тебе помощник. Но все же не так, как на воле напивался. И стал понемногу отучаться от этого зелья. А тут монахи пристают: «Оставайся совсем у нас, будешь послушник, а потом и постригут». Ну, думаю, будь что будет, в миру все равно сопьюсь, пропаду. Так и остался. Годы идут, а я нет-нет да и достану водочки, тогда и поднагружусь, да еще и приятеля монаха кого угощу. Но теперь уже — «шалишь». Так с рук не сходит. Сейчас тебя к игумену. А он на поклоны в столовую. И бьешь их, пока братья трапезуют. Ну, конечно, это вразумляет. Начинаешь и совсем отставать от зелья. Смотри, уже десяток лет прошло, как постригли меня в монахи, и бросил я совсем эту пагубу. А тут случилось — я захворал и был при смерти. А у нас обычай — постригать на смертном одре в схиму. Меня и постригли. А я на грех-то и выздоровел. Вот так-то ненароком и в схимники попал. Ну, правду я тебе говорил, ну какой я схимник, какой монах!»...

И мне стало стыдно, что я осудил его. Зато как я был благодарен ему, что он исцелил меня от гордости осуждения, и на век заказал я себе не становиться судьей чужих жизней. Вот о. Олег — не осудил же он меня, строптивного. Да, разные бывают схимники, и разные бывают подвиги, и разные у Бога мерки, и разные награды. Одно только знаем мы, что плоды у Бога измеряются усилиями, а о. Олегу усилий потребовалось куда более, чем всякому другому, кто не одержим был проклятым зельем. Царство Небесное дитяти Божьему — схимонаху о. Олегу. А один монах рассказал мне, что он восемь раз уходил из монастыря. Что это: похвала ему или осуждение? Ни то, ни другое, а только не наше дело брать на себя суд. Бог будет судить всех.

На Валааме в двух местах ведутся непрерывные чтения Псалтири в помяновение усопших. При схимнической церкви в самом монастыре и в скиту Всех Святых. Читают лишь одни схимники по очереди по два часа день и ночь, за исключением богослужебных часов, когда идет молитва всего монастыря о всех «заповедавших молиться о них». Имена на помин записываются во множестве богомольцами и посылаются по почте. Все они заносятся в списки и прочитываются за здравие во время литургии каждый день специально приставленными для сего чтецами.

Тайна монашеской жизни

«Брань наша не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных».

Страшная и ужасная эта брань. Много рассказов об этом пришлось мне выслушать от отдельных иноков. Дружил я с о. архидиаконом Августинем. Он был маляр по профессии и весь монастырь три раза кругом объездил со своими лесами и красками. Любил я чаек попивать у него. «Приходи, брат Анатолий, сегодня ко мне под самоварчик», — бывало, шепнет он мне на клиросе. По уставу нельзя разговаривать на клиросе. Но, оказывается, и удержаться невозможно. Почему же это? Это объяснил мне наш первый тенор: «Потому, видишь ли, за колоннами мы стоим, ниоткуда не видно нас, вот и невозможно удержаться»... У монахов все просто и искренне. Свой грех не прикрывают лицемерием.

И вот за длинными беседами под самоварчиком поведал мне о. Августин о своих искушениях тайных. «Вот одного раза чуть не задушил «он» меня». Раз монах говорит многозначительно «он», все знают, что подразумевается — диавол. «Чувствую я ночью, что кто-то лежит на мне и крепко сжимает, дух запирает. Ну, думаю, не иначе как «он». Молюсь, а крестного знамения не могу сотворить. Так три ночи он меня мучил. В пот холодный вгонял. Все кости обломило. Иду к старцу своему, объясняю. Он расспросил меня про мою жизнь за последнее время. И когда я ему сказал, что получил на днях письмо из дома, где сообщили о самоубийстве моего друга детства, и что я начал за него молиться, то старик остановил меня и воскликнул: «Теперь я знаю, почему пристал к тебе он. Это он мучит тебя за то, что вымаливаешь грешника самоубийцу из ада. Повремени теперь немного молиться». И бес перестал меня мучить. Ох, большой это подвиг — молитва за грешника, и не всякий выдержать его может».

Другой раз рассказал мне о. Августин, как во время панихиды на Радоницу над могилами вдруг он видит: разверзлись могилы и страшный ад во всем своем ужасе предстал перед взором его. Множество человеческих тел корчилось в муках в огненной стихии. И так ужасны были их лица, и так отчаянны крики, что о. Августин пришел в оцепенение. Замер весь, не говорит ничего, едва дух переводит. После этого не пил, не ел три дня и три ночи. Потом начал постепенно в себя приходить и рассказал про видение.

Жутко мне было слышать про это страшное видение, но чувствовал я, что в этом есть настоящая правда и здесь именно, в монастыре, познаешь реальность потусторонней жизни. Ласковая беседа этого простеца о. Августина и его угощение моченой брусничкою особенно подчеркивали подлинность его переживания. Рассказал мне еще о. схииеромонах Ефрем об удивительных нападениях на него вражеской силы. Еще будучи отроком на Валааме, любил он уходить в отдаленные часовни молиться о своем отце. Однажды стоит он в часовне на молитве и видит около себя родного брата, мальчика лет девяти. Брат зовет его из часовни поговорить. Удивился отрок Георгий, откуда явился его брат, но пошел с ним и разговаривает. Братец его все склонял пойти в лес, в сторону от дороги, но Георгий не соглашался, и страшное беспокойство все более овладевало им. Вот поравнялись они с часовней над могилой пустытника о. Николая. Георгий, завидев крест на часовне, перекрестился. И вдруг брат его исчез. Понял тогда Георгий, что это было привидение, испугался, закричал и бегом побежал в монастырь. Так явился ему диавол в образе родного брата и хотел погубить в лесу. Но не удалось, Господь не допустил.

В другой раз было на него нападение еще более страшное. Служил он у себя литургию, один. Вдруг слышит, что кто-то подъезжает к церкви на санях. Никто никогда этого не делал, да и дороги к нему нет. Слышит он, как идет кто-то к двери храма, но она заперта. Тогда идет этот человек на звонницу и звонит в колокола. Ужас охватывает о. Ефрема, но не может он бросить литургию. Кончился звон, и человек идет к алтарю и лезет по стене к высокому окну. О. Ефрем не выдержал и закричал. И все вдруг исчезло. Придя в себя, о. Ефрем закончил служение и вышел на улицу. Видит следы саней и шагов человека по снегу, но никого нет. Пошел о. Ефрем в монастырь и рассказал о сем. Никто никого едущим на санях не видел. Очевидно, это происки диавола. «А еще я вам мог бы рассказать про одно нападение на меня диавола, но

боюсь, что даже рассказа о сем не сможете выдержать».

Рассказал мне также о. Харитон, как однажды, во время его годовичного пребывания в Предтеченском скиту, ложась спать, он почувствовал, как душа его вышла из тела. «Кто-то взял меня за шею и за спину и освободил из тела, которое продолжало лежать на постели, и я видел его. Потом вновь вошла душа моя в тело. Я пришел в ужас и бросился на колени. И вдруг необыкновенная радость охватила меня».

Искушал диавол самого Христа в пустыне. Искушает он и всех подвижников именно потому, что они должны победить мир и князя мира сего. Сначала монах борется со своими страстями, а потом начинается его брань с диаволом. Так что, чем выше подвиги, тем больше брань с диаволом. Чем святее становится подвижник, тем страшнее нападение на него диавола. Так монахи и считают, что диавол в миру людей не трогает. Они и без того много служат ему своими страстями. Но по мере победы человека над страстями возрастает брань против него диавола. И сколько приходится пережить каждому монаху — неизвестно. Об этом они говорят только между собою. Жития святых много открывают тайн из этой области. Я рассказал только для примера о характере этой брани. Избави Бог всякого поддаться диавольским искушениям, но избежать борьбы этой никому не удастся.

Высоки достижения монахов, но глубоки и падения. Бес особенно опасен, когда подходит в образе доброго гения с добрыми советами. Особенно любит он подсказывать монахам непосильные подвиги. Один монах из интеллигентов, еще в молодых годах приехав на Валаам, вскоре запросился в отшельники. Ему неосторожно и разрешили. Поселился в лесу в отдельной келье и обил ее даже черной бумагой для вящей отрешенности от мира и так прожил несколько месяцев... Но не выдержал и уехал на Дальний Восток в какой-то монастырь, а потом услышали про него, что и из монастыря вышел и погиб в нетрезвом виде где-то под забором. Так опасно зарываться в духовном пути. Тут и малейшая заносчивость может привести к гибели. Рассказывали мне про одного отшельника — уходил он однажды в свою хижину на острове по льду. А лед был слабый, не замерз еще достаточно. Не советовали ему монахи, а он ответил: «Ничего, выдержит, я уже теперь легкий стал», — намекнул он тем на свои подвиги, облегчившие его плоть. Провалился и утонул. Так насмехается диавол над дерзостью человеческой.

Бесчисленные толпы паломников бродят по дорогам матушки-Руси. Их манит свет духовный в монастыри, где ласково встречают, бесплатно кормят, назидают дух, утешают скорби, исцеляют болезни и напутствуют как родных. И никто не знает, сколько кровавой борьбы, и душевной, и телесной, скрыто за этими каменными оградами монастырей, какой крест несет каждый монах на раменах своих, какую дорогою ценою покупает он эту открытость сердца к нуждам ближнего, эту ласковость, эту силу духа, переливаемую им в душу страждущего, усталого и изнеможенного. Это все тайны монашеской жизни, которые знает лишь сам монах да Христос — Совершитель сокровенной жизни монаха, его Обновитель, его сила и радость. Это подлинное раскрытие жизни Христовой под оболочкой немощной плоти, и это Сам Христос собирает в монастыри стадо Свое со всех концов Руси — дабы знали все единого Пастыря единого стада.

Послушание

«Послушание выше молитвы», — говорят монахи. Выше, но и труднее. Молитва — самое трудное по душевному усилию. Но послушание выше, потому что требует сломить свою волю. А монахи по опыту знают, как трудно отказаться от своей «самости». Поэтому, если кто усерден в молитве, но не сломил своей самости, тот напрасно стремится вверх, себе на осуждение.

Надо сначала пройти долгий иску́с послушания, труда и работы, а уже потом открывается тебе область молитвы беспрепятственной. Поэтому и самые виды и роды работ называются «послушанием». Как известно, человек работает из-за своего личного интереса. В монастыре — осуществление первохристианского идеала — общность имущества и общность работы. Для этого требуется переменить самую природу человеческую: чтобы добровольно и охотно трудиться на общую пользу, не за страх, а за совесть. И коммунисты пробуют осуществить «общность имущества». Но у них это основано на принуждении, потому и непрочно. Один мой друг, Сергей Б., в Москве правильно сравнивал: «Мирская коммуна — как блохи в коробочке: открой — и распрыгаются. Христианская община — как муравьи: разбросай их жилище, опять соберутся».

Главный принцип послушания на Валааме — все своими руками. Отсюда масса ремесел и мастерских: кожевенная, сапожная, шорная, портняжная, гончарная, углеперегонная, кирпичная, слесарная, бондарная, плотническая и проч. и проч., а потом целые хозяйства: полевое, огородное, садовое, молочное, лошадиное, лесное, деревянное, рыбное, строительное, парходное, гостиничное — и экономии, снабжение, заготовка, погреба, керосиновый бак и проч. На все вырабатываются специалисты в самом процессе работы, если уж нет специалистов среди монахов по этим профессиям. Но есть работа, не требующая специалистов, когда вся трудоспособная братия призывается накануне через объявление нарядчика в трапезной. Это луга, картофельная плантация, заготовка дров и тому подобное. Не запрещается монахам заниматься работами и у себя в кельях или заводить маленькие индивидуальные хозяйства. Одни по кельям работают для богомольцев: шкатулки с выжиганием видов Валаама, иконы, картины, ложки и проч. Другие заводят маленькие садики, любящие цветы — клумбы, а то и пчел держат.

В мастерских во время работы читаются жития святых, чтобы не заходились пустые разговоры. Склад вещей называется «рухольной» от слова «рухлядь», так невысоко монахи ставят свои изделия. Во главе каждого мастерства стоит заведующий, называемый «хозяином». Ему приходится руководить не только работами, но и поведением работающих. От всех требуется безусловное повиновение воле «хозяина» именно из-за самого принципа послушания, а не из-за интереса работы, что само собою строго соблюдается. Соревнование в искусстве дает прекрасные результаты. Мастерские поставлены хорошо. Это большая «гордость» монастыря. Получается целый малый городок в 1200 жителей, самообслуживающийся по системе натурального хозяйства. Недаром одна шведка корреспондентка, приезжавшая при мне (я ей служил переводчиком), назвала в газете Валаам «25-купольная республика». Трудовая дисциплина — огромное орудие воспитания монахов. Труд и молитва — два рычага Архимеда, которыми монашество переворачивает землю. То и другое вместе: трудиться с молитвою Иисусовой на устах. Вообще это трудно достижимо, но в монастыре это облегчается тем, что человека здесь не заедает забота о завтрашнем дне, нет того, что называется «борьбой за существование». И труд дается с таким расчетом, чтобы не изнурял и не очень обременял. Высшая цель — устройство души, а труд — средство. Тогда и богомыслие, и молитва легче сочетаются с трудом.

День свой все монахи начинают одновременно пробуждением в два с половиной часа, а если день полиелейный и служба длиннее, то в два часа, и через полчаса идут все к полунощнице и утрени. Как удар обухом, раздается сильный колокольчик в руках будильщика с протяжным зовом: «Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас». Надо сразу вскочить с постели и бежать под холодный кран в общую умывальную в коридоре. Если не вскочишь, то в следующий момент заснешь опять. Тогда по обнаружении твоего отсутствия в храме идут будить еще. Стоят все в храме до конца шестопсалмия минут сорок, а потом подходят и берут благословение у о. игумена. У него в храме особое место, «стасидия», с креслом на

возвышении и под деревянным балдахином. Получив благословение от игумена, каждый идет в свою келью пить чай и потом становится на работу. А у кого нет работы, остается до конца службы. Полиелейный день узнается по особому колокольному звону пятнадцати колоколов на высокой колокольне. За литургиями присутствуют только свободные от послушаний. А все вместе собираются на молитву вновь вечером в семь часов, когда идет общее «правило», то есть малое повечерье, помянник, молитва вечерняя, перемежаемая молитвой Иисусовой. Самое сильное впечатление производит это вечернее правило, когда множество монахов в мантиях кладут одновременно сто земных поклонов и вычитывают еще 200 молитв Иисусовых без поклонов частью про себя, молча. Здесь постороннему невозможно устоять — или соединишься с ними, или уходи — так силен дух молитвы. В 8 часов все спят, а зимой и раньше. Только отдельные подвижники творят еще свое правило келейное. Это разрешается, но по благословению старцев и лишь для преуспевших уже. Отступление от общего режима в сторону большей строгости и большего подвига может порождать духовную гордость — самого большого врага монахов. За стеной моей жил один такой подвижник. Долго еще раздавался его голос певуче-напевный, тянущий заунывно псалмы. Как будто бы пружинная спираль, то усиливался он, то ослабевал, но сила его все возрастала в пропорции удаления звуков от земли до неба... Тот же голос маячил за стеной часто и днем. И становилось ясно, что решил человек протаранить небо и тем приводит в движение силы небесные, как бы невидимые механизмы бесчисленных колес силою одного приводного ремня... Так и каждая молитва в устах делателей послушания — тот же рычаг Архимедов или приводный ремень. И тогда получается двойная работа у каждого работника: одна дает плоды на земле, другая — на небе. Одна кует блага земные, другая — небесные. Ибо сказано: «Кольми паче Отец ваш даст блага просящим у Него».

Вот «нарядчик» объявляет после ужина: «Завтра по благословению о. игумена все на покос». Косят косилками, но надо переворачивать сено, сгребать копны, навивать на возы. И вот множество монахов в белых полотняных балахончиках растекаются по лугу с граблями. Картина великолепная. Потом появляется воз с самоварами, хлебом, молоком и сахаром — и перед вами живописнейший пикник. А то на картофель выгоняют — сажать и копать. Эта работа уже потруднее, без привычки спина болит от нагибания. Кажется легко, а под вечер весь разбит. На такие массовые работы и сам о. игумен выходит с граблями, и старцы соборные, по слову: «Кто хочет быть старше, будь всем слуга». Тут-то и создается единство духа — высшая цель монашества. «Работа в руках, молитва в устах» — два колеса, и телега не хромает. И везет эта телега монашеский воз из года в год, из поколения в поколение, от силы в силу. И весело, и радостно на душе: строится и высится Царствие Божие, «слагаясь стройно из камней духовных, скрепляемое взаимными связями любви». Уже нет «я», «ты», а «мы». Уже нет «мое» и «твое», а «наше», а мы — Христовы, а Христос — Божий. «Будьте едино, как Я в Отце и Он во Мне». Идеал монашества достигнут.

Иконописная и ризница

Валаам выработал свой напев церковный, выработал и свой стиль церковной живописи. Я не художник, чтобы оценить это по существу. Но стоит побывать на Валааме, чтобы унести целостность впечатления от его строгости духа как во всем, так и в живописи. Его не захватила волна Ренессанса. Но не подражал он слепо и историческим образцам классической отрешенности. Лики его выписаны тщательно, как в миниатюрах, яркими красками. В них одухотворенная человечность, простота и ясность. Нельзя не видеть в живописи всего валаамского духа. Нужно сказать, что монашество пережило в своей истории две крайности: древнее сирийское и египетское монашество часто впадало в крайности аскезы, доходившей до извращенности методов борьбы с плотью, а с другой стороны, до противоположной крайности, до распущенности, бродяжничества по городам и весям и спекуляции своим монашеским

званием, что вело, конечно, к обмирщению монашеского духа. Оба эти уклона сказались и в живописи церковной современности. То она искажала лики до кубизма в подражание классической аскезе, то очеловечивала лик до простого портрета. Валаам и в живописи удержался от этих крайностей, в чем сказался его здравый строгий стиль во всем, его царственный средний путь. Сквозь человеческий лик у него просвечивает обожествленный дух, и этого достаточно, чтобы была правильная икона. Тогда она навевает спокойствие и возвышает душу.

На Валааме есть нечто выдающееся в области живописи, но как не специалист, я не касаюсь самого исполнения, а скажу только о нескольких сюжетах. Поражает при входе в собор живопись вдоль всей лестницы по стенам, изображающая вход праведников в Царствие Небесное. Тут выписаны группами фигуры святителей, монахов, юродивых и т. д. Сразу захватывает тебя это шествие и возносит ум к небесам при самом вступлении в храм для молитвы. В храме же изумляет величественный иконостас в пять ярусов, весь в золоте, стоимостью в 60 тыс. рублей. Игумен Гавриил не жалел денег на постройку, они текли к нему рекой. Он построил целый Воскресенский скит, полную копию Палестинского, для чего сам ездил в Иерусалим и привез оттуда кипарисовое дерево, из которого сделан весь иконостас резной работы и плащаница Божией Матери в Гефсиманском скиту.

В храме святыня — рака с мощами преподобных Сергия и Германа. Они были из греков, пришли вскоре после крещения Руси, но, в каком веке точно, позабыто. С тех пор основался здесь монастырь, и с тех пор его много раз разоряли, особенно шведы. Иконы преподобных Сергия и Германа — самое выдающееся по живописи произведение валаамского иночества. Имена преподобных у всех монахов постоянно на устах. Им они вверяют свою жизнь и много раз спасаются от опасностей по молитвам к ним.

Из живописцев на Валааме мне пришлось познакомиться с заведующим мастерскими о. Фотием и с о. Аркадием. Отец иеромонах Фотий состоит в составе соборных старцев как заведующий ризницей. Чудный это человек. Носитель истинно валаамского духа — работник и скромный. Тихий и видом, и голосом, мягкий манерами, спокойным взором ласковых глаз обладает он, овеивает благостью и манит к себе в уютную живописную мастерскую или ароматную одухотворенную келью, где много раз мы беседовали за самоваром. Незабвенные настроения выносил я каждый раз. Как отец после долгой разлуки посвящает тебя во все дела и тайны своего достояния, так и о. Фотий смотрит на тебя как на преемника своего по монашеству. Стар он — «и все у нас старцы». «Вот вы, молодые, продолжайте наше дело. Нужны, нужны нам продолжатели. Оскудевает монашество». Смотришь на него и думаешь: вот он много десятков лет выковывал дух монашества в этой живописной мастерской, куда вступил он мальчиком подмастерьем. Сколько кропотливого труда вложил он в любимое дело, сколько вдохновения излилось через него на святые иконы, выходившие из-под кисти его, сколько вдохновения от этих икон уносили с собой тысячи богомольцев по всей Руси святой. Вот он, этот «олицетворенный скромник», который невидимыми нитями своего вдохновения опоясал и связал с Валаамом всю Русь православную, вот как на деле осуществляются слова апостола Павла: «Все тело (Церкви), составленное и скрепляемое посредством всяких взаимоскрепляющих связей при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви». (Ефес. 4, 16)...

С ризницей познакомил меня о. Аркадий (ушедший скоро к старостильникам из-за стиля; сменил его о. Фотий. Перед уходом о. Аркадий благословил меня иконой св. Иоанна Богослова прекрасной валаамской работы). Ризница — огромный зал при соборе. Шкафы стоят рядами, и много-много в них добра накопилось за полтора века. На «соборных» служениях выходят иногда по 30 иеромонахов, и все в одинаковых облачениях. Есть жертвы облачениями от царей, есть дары после коронации, а также от богатых и высокопоставленных лиц. И серебра, и золота

в сосудах и в окладах Евангелий и Крестов — несчетные богатства. Ризничий одновременно заведует и назначением на чреду священнослужащих. В 1926 году при 450 монахах на Валааме было 70 иеромонахов и 40 иеродиаконов. На Валааме около двадцати храмов. До войны, при массе богомольцев, служили во всех них одновременно. Чреду ведут понедельно иерей и диаконы. Уставной частью заведуют канонархи. Их роль очень ответственная. Ход всей службы держится на них. Устав церковный очень сложный и трудный. Надо иметь огромную практику, не менее десятилетия, чтобы овладеть им. От канонарха требуется еще сильный и выносливый голос и четкость произношения. При мне было два канонарха, которые чередовались понедельно и были вполне на высоте своих обязанностей.

Мои личные переживания

Радость заливала мое сердце почти все время в монастыре. И хотелось поделиться ею со всеми людьми, позвать их к Отчему обильному пиру. И отсюда — страшная жажда встречи с людьми, чтобы тянуть их к этому духовному свету. И отсюда — двойственность переживаний. Сознаешь, что твое радостное состояние — плод твоего пребывания в монастыре, а в то же время душа просится вне его, к людям. И я раздирался пополам. Нет-нет да и прорвется моя радость к людям. Так, на Троицу заметил я в храме много богомольцев обоего пола. И стояли они все без цветов. Я был на клиросе, как певчий. И вот не выдержал, поспешно сходил в церковную ограду, нарвал много цветущей сирени и, войдя в храм, обошел всех и раздал цветы. Конечно, по монашескому этикету не полагалась такая эксцентричность. Один из моих друзей монахов сказал мне потом: «Это только тебе, брат Анатолий, игумен спустил такую вольность. Ты ведь у нас новичок». А я радовался от души, что вложил мне Господь эту смелость.

Другой раз увидишь толпу туристов, и жаль станет их: ничего не понимают. Подойдешь и начнешь объяснять им по-шведски. Хоть большинство — финны, но и по-шведски находится кто-нибудь понимающий. И с каким благоговением смотрят они на тебя, словно ты из потустороннего мира явился к ним. И вот тогда-то чувствуешь силу монашества. Она и без слов говорит так много людям мира сего. Так и хочется им заглянуть в душу твою, разгадать тайну непонятной им жизни, унести оттуда с собой хоть крупицу духовных сокровищ, которые они в тебе предполагают. Смотришь на них и думаешь: не про них ли сказал Спаситель, что они как овцы без пастыря? И какая разница с паломниками православными...

Однажды шел я по двору монастыря, и ко мне подходит молодая особа. Говорит по-шведски. Просит указать ей, как пройти к о. игумену. А потом спрашивает, на каком языке иностранном говорит о. игумен. Я отвечаю: «Ни на одном». «Как, он не говорит ни по-французски, ни по-немецки, ни по-английски? Как же я с ним буду объясняться?» И она вцепилась в меня. «Но ведь вы вот говорите по-шведски», — «Да, но представьте, что во всем монастыре один лишь я говорю по-шведски». Она была ошеломлена. Она приехала по поручению одной большой шведской газеты описать в ней Валаамский монастырь. И вот очутилась в трагическом положении. Я повел ее к о. игумену и рассказал ему, в чем дело. Он разрешил ей осмотреть монастырь и скиты в моем сопровождении, дал для этого моторную лодку, и мы с ней целый день объезжали скиты. Вот тут было весьма любопытно наблюдать за ней, какое впечатление на нее произвело все виденное. Часто она бывала потрясена так, что на глаза выступали слезы. Умилило ее очень, как на коровнике нас с ней угостили: подали большую деревянную чашу со сливками, с деревянными ложками и с черным хлебом. Трудно ей было решиться хлебать из общей посуды ложкой по-русски. Но и голод за день сказался. Тут она изумилась еще неожиданной культуре наряду с таким примитивом: оказывается, корм коровам развозится в вагонетках и баках по рельсам, проложенным в коровниках. Потом страшно всем была довольна, благодарила меня и прислала огромную статью в газете под заглавием: «Двадцатипятикупольная республика».

Так мои порывы навстречу внешнему миру удовлетворялись иногда неожиданно. Но все же в глубине души я полагал, что надо бы монастырю что-то делать и для мира. Часто мы беседовали об этом с о. экономом Харитоном и особенно с о. Исаакием, заведующим канцелярией. Бывало, пойдем с ним в Коневский скит и всю дорогу мечтаем, как бы устроить миссионерскую работу в монастыре и вне его.

И вот теперь, спустя 15 лет, я могу уже ответить на этот вопрос: должен ли был в самом деле Валаамский монастырь приспособиться к обстоятельствам и, чтобы влиять благотворно на внешний мир, подойти к нему иначе, чем это было прежде? Конечно, нет, — отвечаю я. Монастырь не должен был нарочито ухищряться влиять духовно. Это было бы и неестественно, и попросту невозможно. Монастыри всегда играли крупную роль в духовной жизни народа, но как? — лишь через паломничество. И других путей влияния нельзя изыскать. Тогда надо было бы в корне изменить самую структуру их, подражать католическим монастырям. В самом деле, наши монастыри никогда не гнушались оказанием помощи миру и благотворительностью, школами для детей, издательством.

Но все это было лишь побочным и очень незначительным приложением. Так и Валаам, как сказано выше, занимался этим. Но духовное море монашеской жизни разливалось по матушке-России через монастырские толпы паломников. Через исповедь их у монахов, через наставления старцев, через чудеса у мощей и икон. Через невидимые связи всех святых Русь скована была воедино силой монашеского духа.

Это влияние монашеского мира я испытал в сильнейшей степени на себе самом. И получил я это не через благотворительность монастыря, не через просветительную его работу, а непосредственно от соприкосновения с монахами. Как в христианстве сила и значение религии заключаются в самой личности Христа, так и в монастыре сила его влияния — в личностях, в которых отражается образ Христа. В чем же увидел я Христа на Валааме? Во-первых, в богослужениях, в молитве. Каждый раз после воскресной литургии я испытывал необыкновенную радость. Сердце исполнялось той молитвенной теплотой, которая есть признак присутствия в нас Духа Святого. С этим сладким чувством сидел я потом в общей трапезной. И сила этой радости была такова, что не позволяла мне сидеть в келье. Я шел обычно в лес, в уединение, и там отдавался этому радостному чувству. То же чувство овладело мною, как я описывал, много раз после бесед с отдельными старцами. Значит, присутствие Христа и воздействие Его через них несомненно. И получить это воздействие иначе нельзя, как только в личном общении. Вот почему и идут паломники, чтобы соприкоснуться с монашеским миром в лице отдельных монахов, старцев, духовников. Потом у многих завязывалось личное общение на всю жизнь, начиналась иногда переписка. Все это — такие явления, которые нельзя заменить никакой благотворительностью или просветительной работой. И она нужна, но нельзя ради нее менять строй и дух веками сложившегося монастырского православного уклада.

За последние годы число православных паломников опять стало возрастать — из лимитрофов и эмиграции. Приезжали многие экскурсии. Все там говели и вдохновлялись светом Христовым на всю жизнь. Так воистину светильник не может укрыться под спудом. Валаам, как магнит, притягивает к себе однородных по духу. И если он должен будет после пережитых потрясений восстанавливаться, то ему не придется придумывать новых форм монашеской жизни, а восстановить именно старые и притом наиболее строгие.